

УДК 811.161.1'42:821.161.1Бродский(045)

DOI: 10.37482/2687-1505-V268

ГАЛИМУЛЛИНА Алина Ринатовна, старший преподаватель кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Института языка и литературы Удмуртского государственного университета (г. Ижевск). Автор 5 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3671-2416>

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ МАКСИМАЛИЗМ ИНФИНИТИВНОЙ ПОЭЗИИ ИОСИФА БРОДСКОГО

В статье рассматривается явление функционально-грамматического максимализма независимого инфинитива на примере поэтических текстов Иосифа Бродского. Представлены фрагменты, где анализируются особенности выражения трех предикативных категорий инфинитива: времени, лица и наклонения. Эти особенности проявляются в формировании уникального временного плана действия, выраженного инфинитивом в художественном тексте, посредством внутреннего времени – вида; в создании характерного для инфинитивного текста сборного образа субъекта – метасубъекта, в котором Я говорящего сливается с Я слушающего, представленного как во втором, так и в третьем лице или мнимом отсутствии лица; в наличии медитативного наклонения, специфичного для инфинитивного письма Иосифа Бродского, обладающего стремлением к семантическому гиперболизму – теме иного, недостижимого бытия. В результате исследования посредством функционально-грамматического, семантического и контекстуального анализов, применяемых в рамках грамматики поэзии, было доказано сопряжение однородности, формального минимализма инфинитива и его функционального максимализма, а также определены лексико-грамматические способы передачи данного явления на примере поэтических текстов Иосифа Бродского: категория вида и семантика инфинитивов, способствующие изменению характера протекающего в поэтическом тексте времени и отражению отношения к действию субъекта – дебитивной, эпистемической и медитативной модальности; дополнительные темпоральные указатели в виде второстепенных членов предложения, способствующие созданию временного цикла в тексте; личные местоимения, указывающие на присутствие лиц, соприкасающихся с субъектом действия-инфинитива. Наличие рассматриваемого в статье явления обусловлено природой инфинитива – неопределенной и неоднозначной, а значит обладающей высоким функциональным потенциалом. Это, в свою очередь, порождает интерес лингвистов к анализируемой теме и способствует более глубокому изучению функционирования данной языковой единицы на материале разного вида текстов.

Ключевые слова: инфинитив, инфинитивная поэзия, категория темпоральности, метасубъект, медитативное наклонение, И. Бродский.

*Адрес: 426034, Республика Удмуртия, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2; e-mail: alina.galimullina.rus@gmail.com

Для цитирования: Галимуллина А.Р. Функционально-грамматический максимализм инфинитивной поэзии Иосифа Бродского // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 3. С. 90–99. DOI:10.37482/2687-1505-V268

Введение

Поэтический текст – это единая много-аспектная структура, каждый элемент которой обладает определенной смысловой нагрузкой. Данный факт способствует тому, что в поэтическом языковом материале раскрывается весь функционально-семантический потенциал морфологических категорий разных частей речи и проявляются их новые синтаксические функции в рамках словосочетаний и предложений.

В середине XX века широкое распространение приобретает форма инфинитивной поэзии, где инфинитив как центральная языковая категория наделяет текст дополнительными смыслами благодаря функционально-грамматическим возможностям данной части речи. В лингвистических учениях окончательно закрепляется и приобретает массовый характер термин «инфинитивное письмо» как новая текстовая категория [1]. В наиболее чистом виде данное понятие представляет собой серию инфинитивов, свободных контекстуально от предикативных категорий лица, времени и скрепленных особым видом «медитативного» наклонения [2, с. 100–117].

Цель данной статьи заключается в изучении функциональности инфинитива в поэтическом тексте на примере инфинитивного письма, выявлении его семантико-грамматического потенциала посредством анализа предикативных категорий лица, времени и наклонения и обосновании характерного для инфинитива явления функционального максимализма на фоне формального минимализма. Объектом для исследования послужили поэтические тексты Иосифа Бродского как одного из авторов, активно использующих технику «инфинитивного письма»: стихотворение «Пилигримы», отрывок из поэмы «Шествие», стихотворение «Проплывают облака».

Результаты, полученные в ходе работы, могут быть использованы в современных лингвистических исследованиях, занимающихся изучением функционирования инфинитива в различных текстах, в частности поэтических. Это способствует расширению области исследований на стыке

лингвистики и литературоведения, которую можно обозначить как «грамматику поэзии и поэзию грамматики» [3]. Новизна работы заключается в функциональном подходе, применяемом для изучения поэтического материала.

Обзор литературы

Изучение конструкций с инфинитивом на материале текстов разных жанров находит широкое распространение в современных работах Г.А. Золотовой (изучение имплицитно выраженных категорий), И.И. Ковтуновой (исследования в рамках лингвопоэтики), О.Н. Панченко, О.А. Змазневой (изучение поэтического синтаксиса), А.Н. Чернякова, М.Г. Милутиной (функциональный подход на примере анализа «инфинитивного письма») [4–10] и др. Значимый вклад в методологию, которая применяется исследователями в указанных выше работах, внес А.В. Бондарко [11, 12], создавший определенную инструментальную базу для функционального анализа, описанную в теории функциональной грамматики. Данная методика лингвистического анализа текста подразумевает изучение функций различных предикативных категорий, актуализирующих их грамматические значения. На материале художественного текста применение функционально-грамматического подхода помогает отразить характерную для каждого автора образно-смысловую «атмосферу».

На стыке литературоведческого и лингвистического аспектов анализа поэтических текстов разных авторов построены работы А.К. Жолковского [1, 2, 13, 14], который впервые использовал термин «инфинитивное письмо» [2, с. 2] по отношению к ним, термин «свободные» [14, с. 4] инфинитивы, образующие каркас данной текстовой категории, и выдвинул интересное с точки зрения функционального подхода предположение о том, что для инфинитивной тематики характерно «стремление одновременно и к минимализму, единичности, замкнутости, и к максимализму, мощи, экспансии, всеохватности» [13, с. 5]. Вслед за А.К. Жолковским мы сузили понятие двухмерной тематической тенденции инфинитивного текста до черты формального минимализма и функционально-грамматиче-

ского максимализма, присущей инфинитиву как структурному элементу инфинитивного письма, и взяли его за основу исследования.

Основная часть

Наличие изучаемого явления в инфинитивном тексте объясняется природой его ключевого элемента – инфинитива. Это единственная грамматическая категория, которая свободна от грамматических рамок выражения лица, наклонения и времени, но способна в роли сказуемого распространять «предикативное господство» на свое синтаксическое и лексическое окружение, чему способствует неформальность названных категорий. Однако свобода инфинитива, образующего «скелет» инфинитивного письма, заключается не в отсутствии формального выражения набора предикативных категорий, а, наоборот, в наличии более широкого спектра их значений, их многослойности и многомерности в рамках одного инфинитивного текста. Данный феномен проявляется в особой «биполярной синтаксической энергетике» [13, с. 5] инфинитивного письма – в его стремлении как к минимализму и конкретике, так и к максимализму и всеобъятности.

Рассмотрим, как проявляется функционально-грамматический максимализм инфинитива на примере выражения его предикативных категорий в пространстве поэтического текста Иосифа Бродского.

«Внутреннее время» инфинитива и его функционирование в поэтическом тексте

В лингвистической традиции существуют два способа выражения темпоральности – эксплицитный и имплицитный. В конструкциях с инфинитивом, который находится на дальней периферии функционально-семантического поля темпоральности [11, с. 5–15], внешнее время выражено в имплицитной форме (посредством внешних темпоральных указателей и личных глагольных форм, создающих окружающее инфинитивы временное пространство), поэтому в данном контексте на передний план выходит значение «внутреннего времени» [15, с. 11]. Оно определяется на основе пространственного представления о времени в самом глаголе.

В поэтических текстах с серийными инфинитивами инфинитив посредством вида способен задерживать и растягивать ход времени выражаемого им действия. Вид как предикативная категория наполняет временную семантику действия новыми значениями и способствует реализации в тексте дополнительных прагматических функций глагола.

При этом наблюдается существенная разница в функционально-семантическом плане между инфинитивами разных видов: в форме совершенного вида он имеет функции аориста для передачи последовательности действий в динамическом аспекте, создавая в стихотворениях «кинематографический эффект последовательно сменяющихся “кадров”-ситуаций, каждый из которых представляет собой конкретное зафиксированное действие» [16, с. 72], и перфектива, выражающего результативное действие с футуральной перспективой; инфинитив в форме несовершенного вида выражает действие, неограниченное во времени и, как правило, нелокализованное, выполняя роль имперфектива с процессуально-длительным или качественно-характеризующим значением.

Однако темпоральная семантика формируется в инфинитивном тексте не только посредством смены вида. Она зависит от семантического наполнения глаголов-инфинитивов, их модальных значений, а также лексических единиц как указателей внешнего временного плана.

Рассмотрим, как категория времени представлена в отрывке из стихотворения «Пилигримы» (1958):

И, значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога.
...И, значит, остались только
иллюзия и дорога.
И *быть* над землей закатам,
и *быть* над землей рассветам.
Удобрить ее солдатам.
Одобрить ее поэтам.

В приведенном фрагменте, завершающем стихотворение, представлена цепочка независимых инфинитивов *быть*, *удобрить*, *одобрить*, обладающих разными видовременными характеристиками. Несмотря на то, что они вы-

ражают действие, обращенное в будущее, вид как показатель внутреннего времени расширяет функциональные возможности категории темпоральности инфинитива. Несовершенный вид инфинитива *быть* растягивает выражаемое им экзистенциальное действие, указывая на его длительность и постоянство в будущем; отсутствие предела у глагола с таким значением актуализирует в контексте беспредельность и неизменность пребывания на земле *закатов* и *рассветов*. При этом будущее время «расширяется», вбирая в себя значение настоящего гномического (быть сейчас и в будущем, быть всегда). Такое смысловое восприятие времени усиливает эпистемическая модальность повторяющегося экзистенциального инфинитива *быть*, выражающая знание о неизменности пребывания на земле *закатов* и *рассветов* (и пилигримов), над которыми время не властно («знаю, что *быть* сейчас, и в будущем, и всегда»). Временные рамки стираются, а на первый план выходит значение внутреннего времени – вида, которое дополняет представление о движении реального времени. Значимыми для интерпретации стихотворения являются и темпоральные маркеры *рассветы* и *закаты*, формирующие представление о суточном цикле, которые указывают на непрерывную повторяемость, цикличность происходящих событий, выраженных инфинитивом. Сама земля как вращающаяся вокруг своей оси сфера становится символом замкнутого и протяженного, окольцованного во времени действия.

Если инфинитивы несовершенного вида (двойное *быть*) акцентируют внимание на длительности и «расширенности» будущего, то инфинитивы совершенного вида *удобрить* и *одобрить*, наоборот, указывают на предельность действия, его конечность и одномоментность. Интересен модальный план, выраженный инфинитивами, на фоне союза и вводного слова одновременно «значит» (в значении: таким образом, и поэтому, следовательно, – это уверенность говорящего в том, что будет происходить и произойдет). Совершенный вид в данном случае добавляет уверенности в реализации

выраженного инфинитивом действия, его результативности к определенному моменту речи в будущем.

**«Метасубъектность» как черта категории
персональности
в инфинитивном поэтическом тексте**

В художественном тексте категория лица обладает определенной спецификой, связанной с изменением в истории русской поэзии формы лирического субъекта: автобиографичное Я трансформировалось в воображаемое Я, происходило исчезновение (мнимое) лица и/или замена конкретного субъекта плюрализмом голосов [17]. Появилось понятие «метасубъектность» [17, с. 24], которое привело к «активации лишенных морфологических показателей предикативности инфинитивных и номинативных предложений» [18]. Таким образом на основе связи между сферой объективной реальности и сферой лица с его отношением к этой реальности становится возможным определить присутствие мыслящего-чувствующего-действующего лица, даже если действие/состояние данного лица представлено в форме инфинитива.

При описании категории персональности в поэтическом тексте мы можем говорить о наличии двух типов субъектов: говорящего Я (субъект модуса) и слушающего и/или присутствующего не-Я (субъект диктума).

Исследователь Хенрике Шталь предлагает более сложно устроенную модель субъектности в художественном тексте: «образ автора как реляционного субъекта, состоявшегося исключительно в соотношении всех его образов, данных во множестве их проявлений» [17, с. 51].

В инфинитивном письме, представляющем собой серию автономных инфинитивов, субъектные сферы зачастую смешиваются, формируя тем самым метасубъектное пространство текста. В таких условиях действие, выраженное инфинитивом, как правило, относится не к одному конкретному лицу – единственному лицу автора или читателя, а к неопределенному множеству – синтезу разнородных типов субъектов.

Рассмотрим это на примере фрагмента поэмы «Шествие» (глава 40. «Романс принца Гамлета»):

Не быть иль *быть* – вопрос прямолинейный
 мне задает мой бедный ум, и нервный
 все просится ответ: *не быть, не быть,*
 кого-то своевременно *забыть,*
 кого-то своевременно *любить,*
 кого-то своевременно... Пстой!

Не быть иль *быть!* – какой-то звук пустой.

Позиция субъекта при независимых инфинитивах, выраженных экзистенциальным *быть / не быть*, ментальным *забыть* и эмоциональным *любить*, представлена открытой, но определяемой (в последующей конструктивной части бессоюзного предложения): категория персональности вербализована в сфере Я посредством дательного *мне* и притяжательного местоимения *мой*. При этом сфера Я расщепляется на Я-говорящее и Я-слушающее (*мне*), к которому *бедный ум* обращается с проблемным вопросом (*вопрос прямолинейный // мне задает мой бедный ум*). Раздвоение первого лица на Я-слушающий и Я-говорящий способствует созданию напряженного внутреннего диалога, который дает возможность воспринимать свои поступки как поступки другого потенциального субъекта. Однако нельзя точно утверждать, кто формирует сферу Я и к кому/чему относится противостояние двух инфинитивных форм *быть / не быть* в последней строке фрагмента: *все просится ответ: не быть, не быть*. Здесь позиция субъекта остается полностью открытой: первая конструктивно-смысловая часть бессоюзного сложного предложения *все просится ответ* выводит его за рамки предложения. Стоит обратить внимание, что в первом случае расщепленная сфера Я представлена вопросительной инфинитивной конструкцией с альтернативным союзом *Не быть иль быть*, а во втором случае перед нами уже невопросительное предложение, имеющее характер отрицания – *Не быть, не быть*.

Появляется значение неизбежности выбора в пользу не быть, где *не быть* не равно умереть, а равно, скорее, не являться полноправным хозяином своей судьбы, ведь выражается это «небытие» в отсутствии памяти (*кого-то своевременно забыть*) и в неконтролируемом

растворении себя в другом (*кого-то своевременно любить*). Связь с субъектной сферой Я во втором случае сохраняется, однако «незамеченная позиция»/«значимое отсутствие» субъекта действия/состояния [19; 20] в *и нервный все просится ответ: не быть, не быть*, очевидно, способствует более глубокому расщеплению субъектной сферы: *не быть иль быть [мне?/всем?/всему?]*. Субъект становится многоликим. Этому способствует «функционально-грамматическая свобода» инфинитива, его «максимализм» (метафорическая терминология А.К. Жолковского) при выражении категории персональности.

Категория модальности в инфинитивном тексте. «Медитативное наклонение»

Известно, что зависимые прилагательные инфинитивы обычно выполняют функцию определения «косвенного наклонения», т. е. «выражают такое явление (действие или состояние), которое не рассматривается говорящим как совершившееся, совершающееся или имеющее совершиться, а мыслится возможным, необходимым, желаемым или требуемым» [21, с. 65]. Однако «синтаксически и семантически свободный» инфинитив также способен иметь частную модальную нагрузку, независимую от лексического значения рядом стоящих слов.

Общее модальное значение инфинитива – выражение потенциальности действия, которая в конструкциях с независимым инфинитивом представлена на морфологическом и синтаксическом уровнях [11, с. 125]. При этом независимый инфинитив приобретает дополнительные модальные значения, контактируя с другими языковыми единицами.

Однако вместе с общепринятыми модальными значениями, среди которых доминирующую позицию занимает значение долженствования или необходимости [22, с. 265], для действия, выраженного инфинитивом, характерно наличие специфического типа модальности, которое исследователь А.К. Жолковский обозначил как «медитативное наклонение» [2]. Оно не представлено в классической академической грамматике; это «медитация о виртуальном ином

бытии», где «виртуальное иное», некое «там» выражает категории абсолютности, модальности, альтернативности, перемещения и является соединением двух диалектических идей: «реального своего» и «мыслимого другого» [14].

Рассмотрим проявление многозначной модальности инфинитива на примере первой строфы стихотворения И. Бродского «Проплывают облака» (1961):

Проплывают облака, проплывают,
проплывают над рощей.
Где-то летает вода, только *плакать* и *петь*,
вдоль осенних оград,
все *рыдать* и *рыдать*, и *смотреть* все вверх,
быть ребенком ночью,
и *смотреть* все вверх, только *плакать* и *петь*,
и *не знать* утрат.

В данном контексте сопоставляются две действительности с двумя временными планами и неоднозначной модальностью, границей между которыми выступает ограничительно-выделительная частица *только*. Первый план выражен глаголами несовершенного вида в форме настоящего времени третьего лица множественного и единственного числа, которые описывают внешний объективный мир, протекающий в настоящем актуальном времени с его протяженным, независимым от действий субъекта процессуальным признаком. Однако во второй части после слова *только* мы видим другую текстовую категорию – инфинитивное письмо: второй временной план резко отличается от первого и представляет собой сферу лирического героя – модель его существования выражена посредством ряда свободных инфинитивов несовершенного вида, которые формируют последовательную цепочку действий, происходящих с некоторой закономерностью (*плакать* и *петь* – *рыдать* – *смотреть* – *быть* – *смотреть* – *плакать* и *петь* – *не знать*) и семантической градацией (*плакать* – *рыдать*).

Категория наклонения в инфинитивном тексте отличается от индикативной модальности в первой части отрывка (обозначение фактического осуществления действия [23]) своей неоднозначностью и гиперболизмом: с одной стороны, инфинитивам *плакать* и *петь*,

рыдать, *смотреть*, *быть*, *смотреть*, *плакать* и *петь*, *не знать* присуще модальное значение неизбежности (эпистемическая модальность), необратимости действий, усиленное частицами *только* и *все*, которые указывают на нарастание и устойчивость происходящего явления; с другой – в инфинитивах несовершенного вида прочитывается значение потенциальности действия в протяженном настоящем времени (актуальном и постоянном одновременно), которое проецируется на будущее, где возможно и необходимо *только плакать и петь*. Это стремление *плакать* и *петь*, *рыдать*, *смотреть*, *быть* и др. Неопределенного субъекта в ином, отличном от реального мира пространстве – яркое проявление медитативного наклонения, характерного для инфинитивной поэзии И. Бродского. Данный элемент «виртуальное иное» формирует оппозицию реального своего и «мыслимого другого», которая коренится уже в самой неопределенности субъекта действия в абсолютных инфинитивных конструкциях [13]. При этом как иное пространство, так и модальное устремление к нему мыслятся как нечто большее: далекое, недостижимое, возвышенное (*смотреть* *все вверх*, *не знать* *утрат*) или как «преувеличенно меньшее» (*только плакать* и *петь*, *быть* *ребенком*). Это доказывает стремление к гиперболе, максимализму инфинитивных структур: «гипербола встроена уже в характерную для инфинитивного письма однородно-перечислительную структуру, коннотирующую «множественность, интенсивность» [13].

Заключение

Инфинитив способен к независимому употреблению и замещению личных форм глагола, образованию синтаксической связи и приобретению определенной модальной характеристики действия, принадлежащего любому лицу во всех временных планах [11], что доказывает его предикативный потенциал.

Путем нанизывания многочисленных инфинитивов и/или зависящих от них слов формируется новое текстовое пространство – инфинитивное письмо. Оно, с одной стороны,

отличается однородностью (это серии инфинитивов, которые обычно существуют в рамках одного предложения и обозначают действие одного лица в его едином, упрощенно типовом жизненном цикле); но, с другой – характеризуется стремлением к максимализму – проникновению в некий виртуальный мир и попытке охватить целое инобытие, где нет общепринятого понятия линейности времени и четкой определенности лица, особенно в рамках поэтического текста. Это создает характерную для инфинитивного письма тропику, которая проявляется в метафоричности, переносности – неопределенности как смысловых, так и синтаксических установок инфинитива. Поэтому в

инфинитивной поэзии обнаруживается темпоральная внеобъятность временного пространства, семантически дополняемая «внутренним временем» – видом, надопределенность «мигающего» лица современной инфинитивной поэзии – метасубъекта и многозначность его намерений по отношению к действительности, которая преобразуется в характерную для инфинитивного письма Иосифа Бродского «медитативное наклонение». Такая множественная интерпретация категорий, раскрывающая функционально-грамматический максимализм, становится наиболее вероятной именно благодаря свободе независимых инфинитивов и их неопределенной природе.

Список литературы

1. Жолковский А.К. Инфинитивное письмо: тропы и сюжеты // Эткиндовские чтения I: сб. ст. по материалам Чтений памяти Е.Г. Эткинда (г. Санкт-Петербург, Россия, 27–29 июня 2000 года) / ред. П.Л. Вахтина, А.А. Долинин, Б.А. Кац и др. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2003. С. 250–271.
2. Жолковский А.К. Бродский и инфинитивное письмо. Материалы к теме // Нов. лит. обозрение. 2000. № 45. С. 187–198.
3. Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 462–482.
4. Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Филол. фак. МГУ, 1998. 528 с.
5. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 206 с.
6. Панченко О.Н. Номинативные и инфинитивные ряды в строе стихотворения // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Грамматические категории. Синтаксис текста / отв. ред. Е.В. Красильникова. М.: Наука, 1993. С. 81–100.
7. Змазнева О.А. Инфинитивные ряды в поэтическом синтаксисе Максимилиана Волошина // Языковая деятельность: переходность и синкретизм: сб. ст. науч.- метод. семинара «TEXTUS». Вып. 7 / под ред. д. филол. наук, проф. К.Э. Штайн. Москва–Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. С. 345–347.
8. Черняков А.Н. Инфинитивное или номинативное письмо? К описанию одного фрагмента «поэзии грамматики» // Альтернативный текст: версия и контрверсия: сб. ст. / ред. Т.В. Цвигун, А.Н. Чернякова. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. Вып. 2. С. 80–90.
9. Черняков А.Н. «Февраль» Б. Пастернака: инфинитивное письмо и его переводы // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. 2014. Вып. 8. С. 28–32.
10. Милютин М.Г. Функциональная грамматика на службе поэзии (инфинитивное письмо в поэтических текстах Б. Ахмадулиной, И. Бродского, А. Кушнера) // Сибир. филол. журн. 2021. № 4. С. 276–288. DOI: [10.17223/18137083/77/21](https://doi.org/10.17223/18137083/77/21)
11. Бондарко А.В., Беляева Е.И., Бирюлин Л.А. [и др.] Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / ред. А.В. Бондарко (отв. ред.) и др. Л.: Наука, 1990. 262 с.
12. Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики (Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001. С. 4–13). URL: <http://philology.ru/linguistics1/bondarko-01.htm> (дата обращения: 14.06.2022).
13. Русская инфинитивная поэзия XVIII–XX веков. Антология / сост., вступ. ст. и прим. А.К. Жолковского; науч. ред. М.В. Акимова. М.: Нов. лит. обозрение, 2020. 560 с.

14. Жолковский А.К. К проблеме инфинитивной поэзии: Об интертекстуальном фоне стихотворения С. Гандлевского «Устроиться на автобазу...» // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 2002. Т. 61, № 1. С. 34–42.
15. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики: сб. неизд. текстов, подг. под рук. Р. Валена / пер. с фр. П.А. Скредина; общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрединой. М.: Прогресс; Культура, 1992. 224 с.
16. Ионова И.А. Эстетическая продуктивность морфологических средств языка в поэзии / отв. ред. С.Д. Ледева. Кишинев: Штиинца, 1989. 139 с.
17. Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика / ред. Х. Шталь; сост. Е. Евграфкина. Берлин: PeterLang, 2018. 440 с. (Neuere Lyrik. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien 4). URL: <https://www.peterlang.com/document/1110741> (дата обращения: 20.08.2022).
18. Сидорова М.Ю., Лингарт А.А. Грамматика современной русской поэзии: субъектная перспектива, предикативные категории, модусные рамки (часть 1) // Филология и человек. 2018. № 3. С. 21–38. DOI: [10.14258/filichel\(2018\)3-02](https://doi.org/10.14258/filichel(2018)3-02)
19. Адамец П. Семантическая интерпретация “значимых нулей” в русских предложениях // Язык и стих в России: сб. ст. в честь Д.С. Ворга к его 65-летию / под ред. Х. Бирнбаума, М.С. Флайера. М.: Вост. лит. РАН, 1995. С. 9–18.
20. Онипенко Н.К. Категория субъекта и эгоцентрическая грамматическая техника в художественном тексте // Gramatyka a tekst: сб. ст. Катовицы: WWKatowice, 2011. С. 64–79.
21. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избр. тр. М.: Наука, 1975. С. 53–87.
22. Тимофеев К.А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке // Вопр. синтаксиса соврем. рус. яз. М.: Учпедгиз, 1950. 410 с.
23. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.

References

1. Zholkovskiy A.K. Infinitivnoe pis'mo: tropy i syuzhety [Infinitive Writing: Tropes and Plots]. Vakhtina P.L., Dolinin A.A., Kats B.A., et al. (eds.). *Etkindovskie chteniya I* [Etkind Readings I]. St. Petersburg, 2003, pp. 250–271.
2. Zholkovskiy A.K. Brodskiy i infinitivnoe pis'mo. Materialy k teme [Brodsky and Infinitive Writing (Materials on the Subject)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2000, no. 45, pp. 187–198.
3. Jakobson R.O. Poeziya grammatiki i grammatika poezii [Poetry of Grammar and Grammar of Poetry]. Stepanov Yu.S. (ed.). *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, 1983, pp. 462–482.
4. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow, 1998. 528 p.
5. Kovtunova I.I. *Poeticheskiy sintaksis* [Poetic Syntax]. Moscow, 1986. 206 p.
6. Panchenko O.N. Nominativnye i infinitivnye ryady v stroe stikhovoreniya [Nominative and Infinitive Rows in the Structure of a Poem]. Krasil'nikova E.V. (ed.). *Ocherki istorii yazyka russkoy poezii XX veka. Grammaticheskie kategorii. Sintaksis teksta* [Essays on the History of the Language of 20th-Century Russian Poetry. Grammatical Categories. Syntax of the Text]. Moscow, 1993, pp. 81–100.
7. Zmazneva O.A. Infinitivnye ryady v poeticheskom sintaksise Maksimiliana Voloshina [Infinitive Rows in Maximilian Voloshin's Poetic Syntax]. Shtayn K.E. (ed.). *Yazykovaya deyatel'nost': perekhodnost' i sinkretizm* [Linguistic Activity: Transitivity and Syncretism]. Iss. 7. Moscow, 2001, pp. 345–347.
8. Chernyakov A.N. Infinitivnoe ili nominativnoe pis'mo? K opisaniyu odnogo fragmenta “poezii grammatiki” [Infinitive or Nominative Writing? A Description of One Fragment of the “Poetry of Grammar”]. Tsvigun T.V., Chernyakova A.N. (eds.). *Al'ternativnyy tekst: versiya i kontrversiya* [Alternative Text: Version and Counterversion]. Kaliningrad, 2007. Iss. 2, pp. 80–90.
9. Chernyakov A.N. “Fevral” B. Pasternaka: infinitivnoe pis'mo i ego perevody [B. Pasternak's “February”: Infinitive Writing and Its Translations]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 2014, no. 8, pp. 28–32.

10. Milyutina M.G. Functional Grammar in the Service of Poetry (Infinitive Writing in Poetical Texts by B. Akhmadulina, I. Brodsky, A. Kushner). *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, 2021, no. 4, pp. 276–288 (in Russ.). DOI: [10.17223/18137083/77/21](https://doi.org/10.17223/18137083/77/21)

11. Bondarko A.V., Belyaeva E.I., Biryulin L.A., et al. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of Functional Grammar: Temporality. Modality]. Leningrad, 1990. 262 p.

12. Bondarko A.V. Lingvistika teksta v sisteme funktsional'noy grammatiki [Text Linguistics in the System of Functional Grammar]. *Tekst. Struktura i semantika* [Text. Structure and Semantics]. Vol. 1. Moscow, 2001, pp. 4–13. Available at: <http://philology.ru/linguistics1/bondarko-01.htm> (accessed: 14 June 2022).

13. Zholkovskiy A.K. (comp.). *Russkaya infinitivnaya poeziya XVIII–XX vekov. Antologiya* [Russian Infinitive Poetry of the 18th – 20th Centuries. An Anthology]. Moscow, 2020. 560 p.

14. Zholkovskiy A.K. K probleme infinitivnoy poezii: Ob intertekstual'nom fone stikhotvoreniya S. Gandlevskogo “Ustroit'sya na avtobazu...” [On Infinitive Poetry: Intertextual Background of S. Gandlevsky's Poem “To Get a Job at the Motor Depot...”]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2002, vol. 61, no. 1, pp. 34–42.

15. Guillaume G. *Printsipy teoreticheskoy lingvistiki* [Principles of Theoretical Linguistics]. Moscow, 1992. 224 p.

16. Ionova I.A. *Esteticheskaya produktivnost' morfologicheskikh sredstv yazyka v poezii* [Aesthetic Productivity of Morphological Means of Language in Poetry]. Kishinev, 1989. 139 p.

17. Stahl H., Evgrashkina E. (eds.). *Sub'ekt v noveyshey russkoyazychnoy poezii – teoriya i praktika* [Subject in Contemporary Russian-Language Poetry: Theory and Practice]. Berlin, 2018. 440 p. Available at: <https://www.peterlang.com/document/1110741> (accessed: 20 August 2022).

18. Sidorova M.Yu., Lipgart A.A. Grammatika sovremennoy russkoy poezii: sub'ektnaya perspektiva, predikativnye kategorii, modusnye ramki (chast' 1) [Grammar of Modern Russian Poetry: Subjective Perspective, Predicative Categories, Modus Frames (Part I)]. *Filologiya i chelovek*, 2018, no. 3, pp. 21–38. DOI: [10.14258/filichel\(2018\)3-02](https://doi.org/10.14258/filichel(2018)3-02)

19. Adamec P. Semanticheskaya interpretatsiya “znachimykh nuley” v russkikh predlozheniyakh [Semantic Interpretation of “Meaningful Zeros” in Russian Sentences]. Birnbaum H., Flier M.S. (eds.). *Yazyk i stikh v Rossii* [Language and Verse in Russia]. Moscow, 1995, pp. 9–18.

20. Onipenko N.K. Kategoriya sub'ekta i egotsentricheskaya grammaticheskaya tekhnika v khudozhestvennom tekste [Category of Subject and Egocentric Grammatical Technique in the Literary Text]. *Gramatyka a tekst* [Grammar and Text]. Katowice, 2011, pp. 64–79.

21. Vinogradov V.V. O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom yazyke [On the Category of Modality and Modal Words in the Russian Language]. *Issledovaniya po russkoy grammatike* [Research on Russian Grammar]. Moscow, 1975, pp. 53–87.

22. Timofeev K.A. Ob osnovnykh tipakh infinitivnykh predlozheniy v sovremennom russkom literaturnom yazyke [On the Main Types of Infinitive Sentences in the Modern Russian Literary Language]. *Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka* [Issues of the Syntax of the Modern Russian Language]. Moscow, 1950. 410 p.

23. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian Language (Grammatical Teaching About the Word)]. Moscow, 1947. 784 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V268

Alina R. Galimullina

Udmurt State University;

ul. Universitetskaya 1, korp. 2, Izhevsk, 426034, Respublika Udmurtiya, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3671-2416> e-mail: alina.galimullina.rus@gmail.com

FUNCTIONAL-GRAMMATICAL MAXIMALISM OF INFINITIVE POETRY BY JOSEPH BRODSKY

This paper is focused on the phenomenon of functional-grammatical maximalism of the independent infinitive, exemplified by Joseph Brodsky's poetic texts. The expression in them of three predicative categories of the infinitive – time, person and mood – is analysed. The specific features of this expression

include: a unique temporal plane of action, expressed in a literary text by the infinitive through its internal time, i.e. the aspect; a composite image of the subject of an infinitive text, i.e. a meta-subject, in which the Self of the speaker merges with the Self of the listener, represented by both the second and the third person or by the seeming absence of the person; and meditative modality characteristic of Brodsky's infinitive writing, gravitating towards semantic hyperbolism, i.e. the theme of another, unattainable existence. The author used the functional-grammatical, semantic and contextual analyses, generally applied in poetic grammar. The analysis found a combination of homogeneity, formal minimalism and functional maximalism of the infinitive. In addition, the following lexical-grammatical methods of expressing this phenomenon were identified in Brodsky's poems: the category of aspect and semantics of infinitives, which contribute to changing the nature of time in a poetic text and to expressing the subject's attitude to the action of debitive, epistemic and meditative modality; additional temporal indicators in the form of secondary parts of the sentence helping to create a time cycle in the text; personal pronouns indicating the presence of persons in contact with the subject of the infinitive action. The phenomenon analysed in this paper can be explained by the nature of the infinitive, which is indefinite and ambiguous and, therefore, has high functional potential. This makes the topic under discussion interesting for linguists and calls for an in-depth study of this linguistic unit using different types of texts.

Keywords: *infinitive, infinitive poetry, temporality, meta-subject, meditative modality, J. Brodsky.*

Поступила 30.11.2022
Принята 06.06.2023
Опубликована 26.06.2023

Received 30 November 2022
Accepted 6 June 2023
Published 26 June 2023

For citation: Galimullina A.R. Functional-Grammatical Maximalism of Infinitive Poetry by Joseph Brodsky. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 3, pp. 90–99. DOI: 10.37482/2687-1505-V268